

РЕЦЕНЗИИ

НОВАЯ КНИГА: ИНТЕРЕСНО И АКТУАЛЬНО
(рецензия на книгу «Экзистенциальный опыт и когнитивные практики в науках и теологии / под ред. Т.И. Касавина, В.П. Филатова, М.О. Шахова. – М.: Альфа-М, 2010)

Н.А. Суroveгина

Тверской государственной университет (г. Тверь)

В эссе представлены проблемы современной философии, обсуждаемые в книге: Экзистенциальный опыт и когнитивные практики в науках и теологии / под ред. Т.И. Касавина, В.П. Филатова, М.О. Шахова. – М.: Альфа-М, 2010. – 512 с. [1]. Общим контекстом исследований служат особенности «постсекулярного» сознания, для которого характерны эпистемологический и аксиологический диалоги между наукой и религией. Эти культурные программы рассматриваются не только как противоположные, но и как взаимодополнительные. В частности, это связано с изучением оснований современной науки и феноменологии духовного опыта.

Осмысление современной социокультурной ситуации свидетельствует о появлении и распространении нового – «постсекулярного» – сознания. Это своего рода ответ на происходящие в современном мире изменения, вызывающие у человека «ослабление чувства реальности».

Для «постсекулярного» сознания уже не является несомненным примат разума над верой; напротив, происходит реабилитация веры. Разум и вера оказываются необходимыми и взаимодополнительными конституирующими культуру началами. Более того, разум находит свои корни в «ином», вера начинает питать разум (Б.Л. Губман).

Привычное соотнесение веры с нерелексивными формами сознания приемлемо для «традиционной» веры, при которой идеи и верования составляют ядро ценностной структуры (что, впрочем, не отменяет процедуры рационального осмысления ее предмета, содержания). «Разумной» вере, которую понимают как результат сознательного поиска решения экзистенциальных и моральных проблем, рефлексия присуща имманентно.

Для современного сознания приобретают важность неклассические доказательства в форме свидетельств «внутреннего опыта». Это не построение логических конструкций, а содержательная трансформация рефлектирующего ума, в основе которой лежит изменение личности. Рождается опыт духовного восприятия, первичный по отношению к рациональным рефлексиям, «предвосхищающая вера» (В.Ю. Даренский).

Вера прежде всего связана с поиском смысла жизни, с интерпретацией «конечных» вопросов человеческого бытия. Кризис традиционной религиозности привел к интенсивному осмыслению предельных оснований религиозного опыта.

Логика человека в ситуации предельного опыта радикально меняется, поскольку предельный смысл всегда оказывается парадоксальным (И.Т. Касавин). Познание перестает быть предпосылкой понимания. Познание как активная разумно-рассудочная деятельность здесь неадекватно. В усмотрении Абсолюта бытийная (экзистенциальная) и интеллектуальная составляющие едины. В числе прочего это касается символизма религиозной онтологии, который требует созерцательно-толковательного постижения. Так, при доказательстве бытия Божия внутри разума открывается новое смысловое пространство (В.Ю. Даренский).

Ценность веры – в открывании эйдетического, ноуменального смысла и содержания мира. Вера может направлять мысль, создающую доказательство, определять ее предметность. Этот культурный контекст дает пространство и для идеи о первичности веры по отношению к любым формам рациональной активности человека.

Таким образом, представления о дополнительности науки и религии в культуре приходят на смену традиционному акцентированию их различия. Единый культурный механизм реальной взаимоподдержки веры и разума, науки и религии в контексте современной культуры – это выражение внутреннего единства познания, происходящего в контексте живой практики. Когнитивные и аксиологические аспекты изначальной бытийности человека не существуют абсолютно обособленно (С.Р. Щавелёв).

В современную эпоху постнеклассической науки подверглись пересмотру идеал «классической научности» и соответственно критерии различения научного и вненаучного знания. Из этого не следует, что релятивизация науки сама по себе служит основанием для сближения науки с религией. Подобная ситуация объясняется скорее «антропной перспективой» как новой культурной перспективой. Кроме того, продуктивное взаимовлияние науки и религии не означает их смешения. Напротив, равенство культурного статуса науки и религии может служить основанием для их различения как особых символических систем, которые и выражают, и формируют характер реального мира (А.И. Алешин).

Современная техногенная цивилизация и постнеклассическая наука нуждаются в радикальной смене ценностных приоритетов. Требование объективности стало опасным для познания, поскольку объектом современной постнеклассической науки стали сложные «человекомерные» системы. Антропный принцип ввел человека в центр научного познания (В.Э. Войцехович). На смену субъектоцентризму, наукоцентризму и логоцентризму прежнего мировоззрения приходят антропоцен-

тризм, интердисциплинарнизм и культуроцентризм, определяющие «логику» развития культуры и создающие поле для проходящего процесс модернизации диалога науки и теологии (И.Т. Касавин).

Становится актуальной проблема: что первично – знание о мире или нормативные ценности? Сущее или должное? Альтернативные точки зрения определяются достаточно очевидно: либо система ценностей выводится из знаний о мире, либо ценности изначально постулируются, а рационалистический дискурс строит обоснования для них (М.О. Шахов). (Идея рационального основания выбора мировоззренческой позиции смыкается с идеей логики культуры, под которой понимается проективная стратегия вовлечения в культурное творчество.) Обе точки зрения предполагают некую общность знания о мире и нормативных ценностей, что и определяет открытость науки и теологии для конструктивного диалога.

Интересно вспомнить в этой связи, что классическая наука стала формироваться с переходом к изучению математических сущностей, а вовсе не внешних объектов, причем поначалу эти сущности считали зримым выражением божественной воли. Научному исследованию поддается только полностью разумная вселенная. Если говорить об известном нам физическом мире, то идея его разумности соотносится с монотеизмом, ибо мир волевого плюрализма неизбежно иррационален (В.В. Томашов). Однако поскольку математика описывает не только известный нам физический мир, но и множество возможных миров, постольку вполне возможна и иная парадигма, нежели монотеизм.

Для религиозного мыслителя существует «вторая реальность», «скрытый порядок», «метафизическая изнанка материального мира», а переживающий религиозный опыт человек входит в соприкосновение с ней (А.Ю. Бубнов). Бог – это объективный логос, объективная сущность бесконечного бытия. Человек способен к со-прояснению, со-творению бытия. Он пытается понять то откровение природного и человеческого бытия, которое заключено в религиозных символах.

На фоне тенденции к сближению науки и вненаучного знания складывается проблемная ситуация: современная гносеология наукоцентрична, поскольку наука традиционно объявлялась высшей формой познания; построена теория научного познания, но нет теории вненаучного познания. В настоящее время смысловой акцент смещается на представление о внутреннем единстве познания, поскольку когнитивные и аксиологические аспекты отношения человека к миру не существуют абсолютно обособленно.

Так, например, личностная целостность проявляется в праздничных измерениях сознания, которые вплотную приближают человека к этическим и эстетическим сторонам жизни. Имея в виду своего рода родственность праздника и игры, было бы интересно подробнее проана-

лизировать их соотношение, не делая смысловой акцент лишь на противопоставлении игры и труда.

Через «праздничное» сознание, в значительной степени ритуализированное мистерией, в современное мировоззрение входит чудо – но не как противоречие законам природы, а как синоним субъективного выбора, человеческой свободы. В рамках феноменологически ориентированной неклассической теории познания возможно рационализировать многоликое понятие чуда. Если магия поработает чудеса, религия эксплуатирует проявления чуда, паранаука спекулирует на понятии чуда, то наука превращает чудо в интеллектуальную линию горизонта (С.П. Щавелёв).

Одной из «бытийных граней» чуда является его атрибутивность мифу как исторически первой форме сознания. Героические мифы в символической форме культивировали этические ценности. В их традиции создается житийная литература как религиозная форма исторической памяти, тогда как светская форма исторической памяти – биографии. Жития – это своего рода иконы в отличие от биографий как портретов, независимо от того, выполнены они красками или буквами. Хотя биографии претендуют на объективность и пытаются быть оппозицией агиографии, их различие не абсолютно (С.П. Щавелёв).

Вненаучные обыденные знания охватывают вечные отношения человека к действительности. В их границах складывается понятие народной мудрости как синтеза здравого смысла и лучших традиций профессионализированного труда.

Развитие неклассической науки в XX в. разрушило здравый смысл как основу познания. Островком здравого смысла оставалась медицина, однако в настоящее время именно биоэтику считают симптомом его разрушения. Биоэтика – это реакция на опасность технократического мышления в области медицины.

Биоэтика привлекает внимание многих специалистов, поскольку медицина всегда представлялась балансирующей между религией и технологией; в настоящее время происходит замена мистической медицины на технологическую. Поскольку биоэтика – синтетическая отрасль знания, постольку возникает вопрос: что первично – эмпирический фундамент или теологические установки? (Д.П. Кузнецов)

Биоэтика определяет новые ситуации диалога науки и религии, что отражает тенденции в современной медицине. С одной стороны, современная медицина приобретает мировоззренческий статус прежде всего вследствие повышения ее научного статуса. (Представляется, однако, что мировоззренческий статус медицины не является исключительно современным феноменом, если вести речь не только о медицине западной, но вспомнить и о многотысячелетней истории восточной медицины.) С другой стороны, в ситуации вторжения современной науки в сферу проектирования и тиражирования человека с заранее заданными

свойствами (генетика, клонирование) неуклонно возрастает важность этических ценностей (В.С. Степин).

Возможность и необходимость своеобразной культурной дополнителности разума и веры, науки, морали и религии определяет удел современной философии – опосредование между «жизненным миром» и различными формами культуры.

В настоящее время философии брошен объективный вызов – стать ответственной за такую истину, которая означает достойный путь жизни. Для этого нужно найти новое основание для синтеза познавательного и аксиологического аспектов философии. Дело в том, что и средневековый, и новоевропейский варианты синтеза как исторические крайности продемонстрировали свою несостоятельность, поскольку философия утрачивает свою специфику, когда стремится быть либо религиозной, либо научной. Кроме того, новый образ философии предполагает уход от противоположных рассмотрений философии как формы общественного либо индивидуального сознания, что совпадает с вопросом о новых перспективах развития человека и культуры (А.А. Гусейнов). В настоящее время, однако, эта непростая проблема нового образа философии лишь поставлена,

Культура – это реальность, наполненная смыслами. Если человек вводит их сознательно, то философский дискурс в процессе культурного выбора приобретает лидирующую роль. До какой степени это возможно, если учесть, что рациональная попытка в направлении культурного синтеза предполагает выход за пределы всех локальных культур?

Задача философии – рефлексия по поводу универсалий культуры, которые служат центром мировоззрения. Философ пытается сохранить ценностную нейтральность. Он создает условия для диалога, дистанцируясь от позиций как науки, так и теологии, но за счет этого видя горизонт и переключаясь между этими позициями, асимптотически приближается к общим ценностным основаниям (И.Т. Касавин).

Это возможно в силу родственности философии и науке, и религии; этими крайностями – наукой и религией – и определяется многообразие определений философии. Культурная автономия науки, религии и философии определяется в рамках единого целого; между ними нет и не может быть непроницаемых границ. Религия, наука и философия – это три наиболее важные формы познания и конституирования мира с помощью трех основных символических систем – мифологической, языковой и научно-теоретической (В.П. Филатов).

Современное сознание, таким образом, солидарно с идеями В.С. Соловьева, который исходил из идеи целостности человека и соответственно усматривал специфику философии не в познавательно-теоретическом отношении человека к миру, не в ценностно-практическом отношении, а в их единстве, связи, синтезе. Философия движется от объективных первооснов бытия к целям человеческого су-

ществования. Иначе говоря, философию интересует только такое знание о человеке-в-мире, которое может стать жизненаправляющим, причем это ценностное содержание в философии рационально аргументируется.

Вместе с тем теоретиками «постсовременного» знания отвергается классическая (гегелевская) трактовка духовного опыта: это нравственность, религия, искусство и философия, где философия – рефлексивный опыт сознания, а основой всякого опыта является фундаментальный опыт сознания.

В культуре постмодерна с помощью кибертехнологий человек породил то, что принято называть «виртуальная реальность». В виртуальной реальности для человека открываются практически неограниченные возможности. Возникает представление о параллельности двух реальностей и даже превосходстве виртуальной реальности над обыденной средой. Поэтому она может выступать в качестве высшей реальности, доминирующего сверхценного инобытия (А.П. Забияко).

В компьютерных технологиях использованы опыты вхождения в измененные состояния сознания. Измененные состояния сознания рассматриваются как врата в иную реальность, религиозный и трансперсональный опыт – как синонимы (А.Ю. Бубнов). (Другим видом духовного опыта, опыта трансценденции, объявляется феномен сновидения. Сон как несуществование бодрствующего сознания трактуется как некое окно в иную реальность.) Конечно, подобная мировоззренческая позиция имеет право на существование. Можно сказать, что она восходит к известной идее З. Фрейда о том, что наука должна понять трансцендентную реальность как проецированное вовне бессознательное [2, с. 227–228]. Однако в другой мировоззренческой перспективе это может быть расценено, если перефразировать П. Тиллиха, как натуралистическое неведение трансцендентного (П. Тиллих писал о натуралистическом неведении исторического, имея в виду отрицание специфики исторической реальности) [3, с. 218].

Интерпретация виртуальной реальности как трансцендентного определяет киберрелигию как особую религиозную формацию; при этом сценарии поведения в киберрелигии мало отличаются от архаических прототипов. Поскольку виртуальная реальность, в которой пребывает человек, воздействует на его внутренний мир, постольку ставится вопрос: может ли виртуальная реальность вне религиозной традиции породить духовный опыт, ведущий к положительным изменениям в структуре личности? Киберрелигия как новое язычество открывает возможность приватизации религиозной жизни взамен коллективного культового общения. Одновременно возникает проблема, насколько правомерно запирать трансцендентное во внутренний опыт, субъективировать объективное.

Известно, что опыт, переживаемый пациентами в состояниях измененного сознания, коррелирует с опытом религиозных мистиков. В

компьютерной метафоре религиозный опыт, понимаемый как особые состояния сознания, – это результат духовных практик, представляющих собой программы перенастроек в системе мозг–психика. Однако можно ли, практикуя некую психотехнику, но при этом находясь вне религиозной традиции, постичь предельную реальность? Исследование карты сознания мировых религий заменяет ли изучение доктрин и ритуалов?

В связи с появлением «киберрелигии» на стыке психологии и мистицизма возникает новое интегралистское учение: языком науки описывается мифологический материал и причины духовного опыта. Решение вопроса о том, каково основание религиозного опыта – психотехника или духовность, зависит от решения проблемы первичности мозга либо сознания.

Итак, сциентистская иллюзия (дискриминация вненаучных форм знания), сложившаяся под влиянием успехов естествознания, хотя и медленно, но изживается; впрочем, в свое время медленно преодолевалась и центральная позиция религии в культуре. Восстанавливается в правах социогуманитарное знание, которое делает акцент на познании субъекта и его отношения к миру, т. е. на человеческом присутствии, на вовлеченности человека в объективную реальность (Е.Б. Рашковский). Обращенное к личности и ее становлению образовательное знание связано с научением *быть*, а потому является основополагающим для бескорыстной творческой самоотдачи как базовой характеристики человеческого жизнеустройства. Этим определяется смысл и ценность социогуманитарного знания.

Гуманитарное знание сближается с инженерно-техническим знанием благодаря близости к практике. Их практичность – в возможности активного формирования объекта, в творческой функции (С.П. Щавелёв). «За бескорыстным познанием и творчеством стоит прежде всего именно философский императив: *philo-Sophia*» (Е.Б. Рашковский) [1, с. 128].

Список литературы

1. Экзистенциальный опыт и когнитивные практики в науках и теологии / под ред. Т.И. Касавина, В.П. Филатова, М.О. Шахова. М.: Альфа-М, 2010.
2. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. М., 1926.
3. Тиллих П. Избранное: теология культуры. М., 1995.

A NEW BOOK: INTERESTING AND FRESH APPROACH

N.A. Sourovegina

Tver State University (Tver)

The present essay represents the problems of modern philosophy discussed in the book “Existential Experience and Cognitive Practices in Sciences and Theology”. The “post-secular” thought, characterized by the epistemological and axiological dialogs between science and religion, serves as a general context of the investigations. Science and religion as cultural programs are concerned not only as opposite, but as mutually-additional ones. In particular it deals with studying of the foundation of modern science and phenomenology of spiritual experience.